

Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы*

Ольга Журавель

¹Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques**

Olga Zhuravel

¹Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the genre characteristics of Andrei Denisov's sermon; he was the most prominent leader of the second wave of Russian Old Belief, a writer, and a polemicist. The author refers to previously unknown texts by Andrei Denisov that were published by the author of this article earlier and to rhetorical manuscripts. The author implements the methodology of source studies and textology. The problematic context of this research is determined by Vyg Baroque as an essential part of Moscow Baroque. The hermeneutic approach underlying this study provides the interpretation of the writings of Andrei Denisov in the context of Vyg literary culture with a strong rhetorical accent. The article focuses on the main work created in the Vyg community, i. e. the *Rhetoric Code*, and the rhetorical studies of the Baroque poet and philosopher Andrei Belobotsky, in which Andrei Denisov showed great interest. The rhetorical thought of this

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия».

** Citation: Zhuravel, O. (2022). The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735.

Цитирование: Zhuravel O. The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735 / Журавель О. Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735.

period dictated the genre model of the sermon, the structure, and the style of the texts. The Baroque interpretation of hermeneutics influenced the semantics of the sermon, which was dominated by semantic duality and “allegorical meaning”. It manifests itself in the structure-forming role of biblical quotations (“themes”) and in the abundance of metaphors, symbols, and allegories. The article reveals metaphors that shaped the central eschatological myth based on the opposition of the hostile outdoor world, desecrated by the Antichrist, and the Vyg Pustyn as a space of spiritual sanctuary. Sermons created by Andrei Denisov reflect the typical Baroque concept of *vanitas vanitatum*. Their author was interested in the ontological nature of time and anthropological problems that became relevant during the Baroque period. The article also examines the communicative model of preaching discourse determined by the prophetic image of the author, who constructed it through biblical quotations. The article explains the rhythmic organisation of sermons designed for listening. Based on the analysis of the rhetorical techniques used by Andrei Denisov, it concludes that the author was eager to create a powerful sermon that would influence the establishment of the foundations of the faith and spiritual formation of Old Believers. The article also sheds light on the reception of the pan-European Baroque style in the literature of the Old Believers of the early eighteenth century. The heart of Vyg Baroque was functional didacticism, which served the main goal of preaching, i. e. asserting the religious and moral values that underlay the Vyg utopian project.

Keywords: Old Believers, Vyg, Andrey Denisov, sermon, rhetoric, Baroque, eschatology

Исследуются жанровые особенности проповедей Андрея Денисова, крупнейшего деятеля второй волны русского старообрядчества, писателя и полемиста. Основным материалом послужили не опубликованные ранее и изданные автором данной статьи тексты сочинений Андрея Денисова, а также рукописи риторик. Работа с источниками велась на основе источниковедческого и текстологического методов. Определяющим проблемным контекстом является выговское барокко как разновидность московского школьного барокко. Герменевтический подход обусловил интерпретацию сочинений в контексте риторической литературной культуры Выга. Центральное внимание уделяется главному труду, созданному на Выге, – Риторике-своду, а также риторическому учению барочного поэта и философа Андрея Белобоцкого, к которому Андрей Денисов проявлял большой интерес. Показано, что риторики диктовали жанровую модель проповеди, определяли структуру и стилистику текстов. Барочная герменевтика оказала влияние на семантику проповеди, в которой господствовала смысловая двуплановость, «сене аллегоричный». Он выражался в структурообразующей роли библейских цитат («фем»), а также в обилии метафор, символов и аллегорий. Выявляются метафорические ряды, которые формируют центральный эсхатологический миф, выражающийся в противопоставлении враждебного внешнего мира, пораженного антихристом, и Выговской пустыни как пространства духовного спасения.

В проповедях Андрея Денисова нашел отражение типичный барочный концепт *vanitas vanitatum*. Старообрядческого проповедника интересовали онтологический аспект проблемы времени и актуальная в эпоху барокко антропологическая проблематика. Рассматривается коммуникативная модель проповеднического дискурса, определяемая особым позиционированием автора. Образ автора уподобляется пророческому, чему способствует использование библейских цитат. Выявляются особенности ритмической организации проповедей, рассчитанных на слуховое восприятие текстов. Система приемов, используемых старообрядческим автором, позволяет говорить о стремлении создать действенную проповедь, влияющую на утверждение основ вероучения и воспитание преданных сторонников движения. Статья позволяет уточнить характер рецепции общеевропейского стиля барокко в литературе старообрядчества начала XVIII в. В основе выговского барокко лежит функциональный дидактизм, обусловленный главной целью проповеднического творчества, которое утверждало религиозно-нравственные ценности, лежащие в основе выговского утопического проекта.

Ключевые слова: старообрядцы, Выг, Андрей Денисов, проповедь, риторика, барокко, эсхатология

Андрей Денисов (1674–1730) – крупнейший деятель второй волны старообрядчества, первый киновиарх и духовный лидер Выговского центра защитников старого обряда. Выговская пустынь, основанная в 1694 г., на протяжении почти полутора столетий была очагом культурного строительства, основанного на приверженности национальным традициям [Юхименко, 2002]. Создание Выговской общинной утопии [Зеньковский, 1970, с. 453–466; Зеньковский, 2009; Crummeу; Клибанов] стало ответом на вызовы времени, в частности, на трагические события раскола в русской церкви, которые осмыслились в эсхатологических категориях. Выговский центр был задуман как своеобразный остров спасения, «оплот веры в мире антихриста» [Crummeу, p. 134]. Важнейшую роль в реализации замысла играло проповедническое слово.

В начале XVIII в. на Выге была создана литературная школа, в которой сформировался новый «рациональный» тип творчества, основанный на следовании современным риторическим стратегиям [Дружинин; Понырко, 1981; Понырко, 1994; Юхименко, 2002]. Слоvesность Выга представляет собой органичное соединение древнерусских книжных традиций и культурных новшеств, проводниками которых стали новейшие риторика, в основном барочного характера. К ним относятся риторика Софрония Лихуда, Козьмы Афоноиверского, Стефана Яворского, Андрея Белобоцкого, автора барочной рецепции учения средневекового философа и поэта Раймонда Луллия [Понырко, 1981; Журавель, 2012а, с. 21–85]. Старообрядцев не смущало то, что сочинения были созданы их духовными противниками,

в частности, видными деятелями никонианской церкви. Они старались извлечь пользу из этих книг, постигая секреты эффективной действенной проповеди. Редакторской правке подвергались лишь примеры, обличающие «раскольников»¹.

В конце 1720-х – начале 1730-х гг. на Выге шла работа над уникальной Риторикой-сводом [БАН. Собр. Дружинина. № 122], куда вошли части из некоторых названных выше риторик, дополненные примерами из сочинений старообрядческих авторов, в частности, Андрея Денисова.

В литературной культуре Выга риторике играли и кодифицирующую, и моделирующую роль. В каждой заключался не только свод нормативных правил, но и определенная система ценностей, та или иная эстетическая концепция [Аверинцев; Лахманн]. Риторике доносили новую рационалистическую концепцию текста, определяли структуру проповеди, репертуар стилистических средств, а также ориентировали на символично-аллегорическое видение мира. В своих проповедях Андрей Денисов сполна использует секреты словесного мастерства. Он изучает и собственноручно редактирует некоторые сочинения по риторике, проявляя пристальное внимание к учению Андрея Белобоцкого. Так, «Великая наука», главный труд Белобоцкого, обещала дать «ключ ко всем наукам», и в первую очередь к словесным. Единственная известная обработка этой книги, ее краткая (для «удобства преносения») редакция выполнена именно Андреем Денисовым [Журавель, 2012а, с. 43–61].

Творческое наследие Андрея Денисова изучено далеко не полностью, опубликована меньшая часть его трудов. На основе сохранившихся списков ему атрибутировано 161 произведение [Дружинин, с. 88–128; Юхименко, 2008, т. 1, с. 28]. Проповедями являются 17 слов на церковные праздники, вошедших в «Выговские Торжественники» [Юхименко, 2002, т. 1, с. 116–132]. Но Андрей Денисов писал свои проповеди не только в связи с праздниками. В 1764 г. была составлена антология сочинений Андрея Денисова. 26 слов, вошедших в нее, относятся к проповедническому жанру, три из них имеют черты послания, одно – надгробное слово. Почти все эти слова ранее по фрагментам были включены в качестве примеров в Риторику-свод². Черты проповеди присутствуют и в полемических текстах Андрея Денисова. Проповедь в творчестве Андрея Денисова была метажанром, и проповеднический дискурс охватывал самые разнородные по жанровой структуре тексты, поскольку порождался главной целью пропаганды вероучения и воспитания преданных сторонников старого обряда.

Изучение проповедей Андрея Денисова позволяет прояснить некоторые особенности выговского барокко. Н. С. Демкова предлагала рассматривать литературу Выга как «оригинальное ответвление мо-

¹ В таких примерах инвективы виртуозно переносились на никониан. См.: [Журавель, 2012а, с. 79–84].

² Состав антологии см.: [Журавель, 2012а, с. 421–422].

сковского школьного барокко» [Демкова, с. 194]. Разгадку историко-культурного парадокса использования эстетических принципов барокко старообрядческими авторами она видела в «функциональном дидактизме» школьного барокко, усвоенного на Выге [Там же]. В трудах Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко, автора данной статьи приведено немало примеров барочных явлений в литературе Выга, однако цельной картины выговского барокко еще не сложилось, и эта разновидность европейского стиля пока не интегрирована в общерусскую культурную парадигму.

Риторика определяли жанровую структуру барочной проповеди. Андрей Белобоцкий перечислил актуальные на то время формы проповеди. Он выделял шесть основных – три «формы риторические», две «философские» и одну «богословскую», отмечая, что «единою всем поучением положить форму неудобь есть, понеже убо формы емлются от правил разных мудростей... Того ради по разности разумов человеческих и формы разныя умножишася» [РГБ. Собр. Егорова. № 958. Л. 127]. Проповедник мог выбирать форму в зависимости от конкретной ситуации: «по пременению времени, частию по нужде и требованию самех вещей, частию по разности наук свободных, в которых проповеднику слова Божия искусну быти подобает» [Там же. Л. 127 об.]. Советы о гибком отношении к структуре проповеди содержатся также в трудах Иоанникия Галятовского и Софрония Лихуда. Наиболее популярной была 8-частная хрия, по Белобоцкому, «первая форма риторическая». Белобоцкий считал, что она «проповедником Слова Божия доволна» [Там же. Л. 131], однако, на его взгляд, слишком проста. «Вторая форма риторическая» предполагала уже 16 «внутренних мест» инвенции, ими следовало «свою вещь подкрепить и противная уличити» [Там же. Л. 173–173 об.]. Эта «притруднейшая» «совершенная» логическая форма описана в риториках Стефана Яворского, Георгия Даниловского, Софрония Лихуда и присутствует в Риторике-своде, определяя ее композицию. Особенности «философских» форм, основанных на аристотелевских категориях, не отражены в Риторике-своде, но их структуру можно видеть на примере двух сочинений Андрея Денисова, в его «Слове о человеке»³ и в «Слове о времени»⁴.

Изучение состава Риторике-свода позволяет увидеть в ней своеобразную творческую лабораторию барочной проповеди. В этот свод включены примеры («парадигмы») из 22 сочинений Андрея Денисова, причем некоторые из них, разбитые на элементы («места риторические»), представлены в Риторике-своде полностью или за исключением нескольких «мест». Такими являются, например, слова о покаянии, о вере, о молитве, о добродетели, о чистоте, о человеке, о времени и др. [Журавель, 2012а, с. 61–74]. В качестве иллюстрации барочного «Древа на похвалу добродетели» приведено

³ См. исследование и публикацию: [Журавель, 2012b].

⁴ См. исследование и публикацию: [Журавель 2012а, с. 104–110, 400–410].

«Слово о девстве» Андрея Денисова, одно из блестящих его проповеднических сочинений⁵. Та же структура «древа» повторяется в его «Слове о терпении» [Дружинин, с. 109–110, № 109].

Андрей Денисов достаточно свободно относился к предписаниям риторик, комбинируя элементы структуры в зависимости от цели. Он мог, например, писать слово по схеме удвоенной хрии, если надо было показать две стороны явления. Именно так он ведет рассуждение в слове «О последних днях и скорбех»⁶. В предисловии автор ставит две цели: во-первых, доказать, что в «последние времена» все «верные» «не оставлены от Бога, но сохраняемы будут»; во-вторых, убедить в необходимости более жесткого соблюдения заповедей, чтобы оправдать доверие Бога. Соответственно, и первая, и вторая тема развиваются последовательно по схеме хрии, соединяясь логически в заключении.

Обязательным элементом барочной проповеди была фема, «библейский тематический ключ», играющий роль смыслового камертона по отношению ко всему тексту [Пиккио, с. 437]. Это требование содержится во всех риториках начиная с трактата Иоанникия Галатовского: «Кто хошет поучение творити, первьѣ е имать положити от Писания Святаго фему, иже есть основание всего поучения» [Духовная литература, с. 16]. Использование цитаты из Священного Писания в качестве тематического ключа предполагало, как и в средневековой гомилетике, двойной уровень прочтения, возводя суть проповеди к высшим сакральным смыслам. В риториках, принятых на Выге, возрождалось раннехристианское учение о четырех разумах Священного Писания, причем самое большое внимание уделялось «аллегоричному» сенсу, который становится тотальной призмой постижения действительности. Обширный раздел «О четверогубом разуме Священнаго Писания», составленный из фрагментов барочных риторик, присутствует в Риторике-своде [БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 455–483 об.].

С фемы начинается большинство проповедей Андрея Денисова, в его сочинениях она зачастую выполняла и функцию заглавия. Одна из лучших его проповедей, прославляющая «любомудрие», начинается с фемы «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцѣление души» (Притч. 16 : 24)⁷ – восхваление словесного мастерства Андрей Денисов выводит из изречения Соломона. «Слово о вере» начинается словами пророка Аввакума «Праведный от вѣры жив будет»⁸, «Слово о воздержании» – цитатой из послания апостола Павла «Всяк подвижаяся от всего воздержится» (1 Кор. 9 : 25)⁹.

В сочинении Андрея Денисова ключевая цитата могла располагаться и не в маркированной позиции начала текста, что не отменяло

⁵ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 377–387].

⁶ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 351–359].

⁷ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 359–366].

⁸ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 337–351].

⁹ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 372–377].

ее функции «основания всего поучения». Так, в «Послании с Москвы во общербратство» евангельский текст «Блажени чисти сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф 5 : 8) читается в заключительной части сочинения, увлекательно описывающего встречу в Москве персидского слова, подаренного Петру Первому персидским шахом¹⁰. Блестящая словесная живопись, которой мастерски пользуется Андрей Денисов, представляя первое в русской литературе детальное, довольно реалистическое описание экзотического животного¹¹, не была, разумеется, самоцелью. Развернутый сюжет оказывается аллегорией, рациональной по определению. Каждый элемент увлекательного описания сопровождается назидательным поучением, смысл которого сводится к словам Христа из Нагорной проповеди. Так же, как люди спешат лицезреть слона, они должны быть готовы видеть Бога. На этот смысл наталкивает и прием повтора ключевого слова: в тексте десять раз употребляется слово «зрѣти».

В проповедях Андрея Денисова можно выделить ряды излюбленных символов и метафор, образующих мифологемы. Так, при помощи образов, означающих «внешнее» пространство, пораженное антихристом, с одной стороны, и Выг как остров спасения, с другой, выстраивается ключевая оппозиция, лежащая в основе эсхатологической концепции. Специальных эсхатологических сочинений у Андрея Денисова немного [Гурьянова, с. 205–206], но апокалиптическая топика пронизывает все его проповедническое творчество. Внешний мир предстает то как «век» «бурливый и сварливый», то как гибельное место. Это и бурный океан, и пустыня, бесплодная и безводная, дикая и терновитая, каменистая, неутешная, исполненная зверей и всяческих опасностей:

...отсюду змии зияюще, отонюду звери пожирающе, отъинуду разбойницы разбивающе, отсюду наветницы бесчинующе, идеже татие подкopyпывающе, идеже пленующии пленяюще и невнимающыя в темная адская жилища заносяще [ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собр. № 8. Л. 170].

В описании внешнего мира время и место сливаются в единый эсхатологический хронотоп, потому что после «премен» древних уставов патриархом Никоном «тма тяжка гонителна покры... Росию»¹².

¹⁰ Опубликовано: [Журавель, 2010].

¹¹ «Нозе... толсты, яко бревно, толстотѣлесен, недолог по высотѣ, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопкляп, ступанием медведоподобен, от верхняя губы имея (нарещи) нос, или губа, или хобот, яко рукав платна, висящ до земли, имъ же, аки рукою, брашно и питье приемлет и, согнув, во уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчат соуду и соуду, уши имея велики, яко заслоны печныя, рошки малы, подобны агньчимъ, хвост подобен волуему» [Журавель, 2010, с. 117].

¹² Слово надгробное Петру Прокопьеву опубликовано: [Юхименко, 2008, т. 1, с. 44].

Мифологема Выга как острова спасения основана на контаминации нескольких тем и образов. Во-первых, это место, уподобленное «раю мысленному» или земному раю, и этот аспект сближает его со Святой Землей, местом, приближенным к Небесному Иерусалиму. Обращаясь к выговцам, Андрей Денисов называет их «Вышняго Иерусалима гражданами» [Журавель, 2012а, с. 196–197]. Другая ипостась Выга – истинная Церковь, понятая не как стены и покров, но как вера и житие [Иоанн Златоуст. Л. 519]. Логика мифа соединяет Выг как землю спасения и как Веру. Кроме того, здесь мы встречаемся с одним из любимых Андреем Денисовым образов: Выг – Церковь – Вера предстает как Невеста Небесного Жениха и Жена, облеченная в солнце (Откр. 12 : 1–17). Символы Откровения св. Иоанна Богослова обретают новую жизнь под пером выговского проповедника. Персонифицированный образ Жены-Церкви как единства верующих, мистического Тела Христова, является ключевым в «Слове о вере»¹³. Проповедь содержит рассказ о судьбах церкви в эпоху «новин» и ересей, когда она «с бѣгающими богорадне бѣгает, со странствующими Бога ради странствует, в скровных домѣх страха ради гонителей скрывается, в ненаселенных мѣстѣх пустых поселяема бывает (по объявлению тайнозрителнаго Богослова, видѣвша солнцеоблеченную Жену, бѣжашу в пустыню, и змия, гоняща за нею)» [Журавель, 2012а, с. 344].

В «Слове плачевне о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» представлен антропоморфный образ Церкви-Жены. Андрей Денисов использует древний аллегорический сюжет о встрече некоего путника с женой:

Прѣходя же некое поприще пустынное, узрѣ во отишии дубравне жену некую претружену и дивну, жалостными виды умилену и старостию благородною цвѣтушу, яже многожалостный плач дѣяше, яже многоплачевное рыдание творяше. Паче сказания языком рыдаше и паче обычая человекѣа стенияше, сѣдины своя терзаючи и благородное лице дерущи, главу пепелом посыпаючи и от плача и стенания прѣстати не тѣрпящи [ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собр. № 8. Л. 170–170 об.].

Этот сюжет известен по летописям и по трактату Максима Грека «Слово о нынешнем окаянном веке». Некая «Василиа» (Премудрость, Истина) из сочинения Святогорца трансформируется под пером старообрядческого писателя в образ украшенной седиными Жены, которая плачет не столько о «внешних» обидчиках, сколько о своих неверных детях.

Разветвленная эсхатологическая метафорика резонировала на фоне барочного мироощущения с его трагизмом и экзистенци-

¹³ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 337–351].

альным переживанием дисгармонии бытия [Черная, с. 73]¹⁴. В творчестве Андрея Денисова нашли отражение и наиболее характерные для барокко мотивы брэнности, эфемерности человеческого бытия. В «Слове надгробном брату Дамиану»¹⁵ он восклицает:

Колико жизнь челоуѣка бѣднаго многобѣдственна, колико жалости и плача исполнена! <...> Младенческий возраст печальный, безумия же и дерзости глупостныя исполненный, в возрастъ же юннаго легкомыслия лѣтание, огня грѣховнаго жжение, волн тмочисленныхъ обуревание. О, на коликое многоволненное море исходит челоуѣк бѣдный, о, на коликия неизвѣстныя бури, сам невѣдый, походит, плачевный! [Журавель, 2012а, с. 387].

Созвучен теме брэнности жизни и образ смерти –

...неумолимаго ратника, неувидимаго хищника, неуласкаемаго навѣтника, безъизвѣстнаго татя, яже без проповѣдания приходит и без пождания похищает, отсюду относит, яже старым неизбытныи разбойник и юнным неизвѣстныи хищник [Журавель, 2012а, с. 388].

Барочный концепт *vanitas vanitatum* представлен разнообразными визуальными образами в «Слове о времени» Андрея Денисова, отдельные фрагменты о времени приведены в качестве примеров в Риторике-своде. Барочные риторики рекомендовали использовать «эмблематы или знаменья, сиречь гербы». Стилистический прием функционально соотносился с жанром эмблемы, чрезвычайно популярным в классическом барокко [Морозов, Софронова; Сазонова, с. 252–311]. Умозрительное понятие обретает наглядность:

Возри прилѣжно на время жития сего и виждь, яко есть коло нѣкое непостоянное, толико непрестанно быстротекущее, толико присно вертящееся, стояти никогда же, опрѣтися никогда же могущее. Како убо постоит, ног не имѣя, како опрется, рук не имѣя, како усмотрит вредная, очес не имѣющыи? Чесо ради не точию краткая, но и слѣпая жизнь, и есть, и нарицатися достойна, яже без рук вся объемлет, без крил быстро лѣтает, кромѣ ног скоро шествует, кроме очес, прелщая, преводит... [Журавель, 2012а, с. 403–404].

Многие барочные темы не были новы, но в барочной проповеди менялась фокусировка, усиливалась экспрессия, чему служили ритори-

---

¹⁴ По поводу московского барокко Л. И. Сазонова пишет: «Творцы нового стиля призваны были преодолеть барочные настроения глубокого духовного кризиса, пессимизма, минорности и выразить оптимистический пафос созидания Российской империи» [Сазонова, с. 47]. Очевидно, что эта особенность переживания эпохи отличает выговское барокко от московского.

¹⁵ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 387–393].

рические приемы, и традиционные средневековые мотивы обретали новое звучание и силу выражения. Мысль о бренности и скоротечности бытия иллюстрируется при помощи традиционной символики колеса, известной, например, по стихотворениям св. Григория Назианзина в переводах Евфимия Чудовского [Сазонова, с. 632]. Загадка («Како убо постоит, ног не имѣя, како опрется, рук не имѣя, како усмотрит вредная, очес не имѣющи?») развивает персонифицированный образ времени, в котором, несмотря на риторическое отрицание, упоминаются руки, ноги, «очеса». Автор использует самые разнообразные источники. Это и цитаты из Псалтыри, Книг Иова и Екклезиаста, и сборники Апофегмат, популярные в России с XVII в., и народные пословицы. Типично барочная тема «жизнь есть сон» иллюстрируется в слове через изложение фабулы о нищем человеке, который заснул на рогожине и увидел во сне прекрасные чертоги. Описание богатых палат резко контрастирует с картиной его убогой жизни – аллюзия на контраст земной и загробной жизни человека. Пример в сочинении Андрея Денисова основан на фацеции, сюжетно связанной с популярной в европейских литературах темой «Калиф на час» [см.: Журавель, 2012а, с. 104–110].

Формирование новой ценностной парадигмы, характерное для эпохи барокко, отражалось в смене временных представлений, в новом понимании места человека в истории [Панченко, с. 37–56]. Историко-философская концепция выговских идеологов, основанная на эсхатологической теории и идее преемственности с древними традициями, позволившая им найти свое место в потоке истории [Гурьянова, Крамми], отвечала духу эпохи, в которой старое и новое переплетались в причудливый синтез. Но Андрея Денисова интересовал и онтологический аспект проблемы времени. Помимо «Слова о времени», об этом свидетельствует его работа над сокращением «Великой науки» Андрея Белобочкокого. Сохранился черновой автограф сокращенной редакции. В главе «О времени» термин Аристотеля («Время есть мера движению и пребыванию вещей плотных...») сопровождается различными другими определениями. Андрей Денисов делал пометы, вставки – в рукопись вклеены листочки, исписанные его рукой, с записями о разном понимании времени у народов, о том, что в этом вопросе не соглашались между собой «египтяне с халдеями, и с евреями, и з греки и римляны»¹⁶.

«Слово о человеке» Андрея Денисова представляет барочную антропологическую конструкцию. Тема, восходящая к патристике, средневековой философии и к европейскому гуманизму, обретает новое звучание в культуре барокко [Корзо; Киселева; Чумакова], где человек становится «мерилом проповеди» [Матхаузерова, с. 282]. Андрей Денисов воспользовался сложнейшей риторической формой, сочетая «совершенную» и «изобилующую» формы с характерным

¹⁶ Фрагмент рукописи опубликован: [Журавель, 2012а, с. 55].

для богословской формы понятийным аппаратом Аристотеля. Соматический аспект темы, где детально описаны все части тела, органы чувств, вызывает аналогии и со средневековой натурфилософией, и с гуманистическими учениями о человеке, а главное определение – с ренессансной концепцией:

Человѣкъ есть вещь дивная, веля и всекрасная, дивно от предивнаго Бога осуществованная, о себѣ стоящая и в себѣ пребывающая, от души невещественныя и от плоти вещественныя пречюднѣ сложенная. <...> Человѣкъ – вседобрѣйшее долговѣчное животное, разумное, разсудкательное и удивительное, всякаго научения, всякаго художества, всякия хитрости удобопреимательное... Сугубое предивное, видимое и невидимое, мертвенное и безсмертное, временное и вѣчное... [Журавель, 2012b, с. 171].

Концепция человека в этом сочинении реализуется через систему ключевых слов, что в целом характерно для стиля его проповедей. Эти слова будто прошивают текст, создавая своеобразный узор. Стилистике повторов в барочных риториках уделялось много внимания, в частности, это касается полиптотона, корневого повтора [Маркасова, с. 87–88]. В «Слове о человеке» система ключевых слов определяется таблицей из «Великой науки» Белобоцкого, в которой представлены «творящие силы Бога» и, по сути, отражена модель мирового универсума, как она понималась барочным философом. Слова с корнем «естеств» повторяются 29 раз, утверждая онтологический статус человека. Среди ключевых слов оказывается «доброта», слова с этим корнем употреблены 46 раз, «разум» (21 употребление), 18 раз упоминается «сила», по 7 раз – «власть» и «воля». Эмоциональное отношение к объекту проповеди автор выражает тоже через систему ключевых слов. В сочинении 86 употреблений слов с корнем «див». Тема удивления коррелирует с темой чуда: слова с корнем «чюд» встречаются 31 раз. Так через систему ключевых слов и повторов проповедник не просто доносит концепцию о связи человека со всем мировым универсумом, но и эмоционально окрашивает свои мысли.

Проповедь – жанр, в основе которого лежит диалогическое начало. Она призвана воздействовать на слушателя (читателя), и этому служат специальные приемы. «Проповедник не только историческая личность и даже не только творческая личность оратора и художника, но лицо, пастырь, получивший от Духа Святого дар проповедания и власть учить» [Зубов, с. 11]. Безусловный авторитет Андрея Денисова подкрепляется в его текстах особыми приемами позиционирования. Обращаясь к слушателям в начале «Слова о вере», он присоединяется к слову библейского пророка: «с сим пророческим гласом... желаю словодатне приити к вашему церковному сословию...» [Журавель, 2012a, с. 338]. Слово «О содержании староверства и о укоризне расколником» начинается со встроенной в текст цитаты из пророка Иеремии: «Кто даст главе моей воду, – с Божественным пророком Ие-

ремием вопию, – и очима моима источник слез, да плачу день и ночь dospевшее на ны злочастное сие время...» [БАН. Собр. Дружинина. № 74. Л. 69]. Убедительность высказывания может быть усилена и апелляцией к Господу, чьи слова передает пророк:

«Слышите, возлюбленнии мои, – рече Господь, – се пред вами дни скорбни, и от всех избавлю вас. Не бойтесь, не сумняйтесь, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповеди и повеления моя, – рече Господь Бог, – да не отягчают вас грехи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грех своих и отягчатся от беззаконий своих», – у Ездры, пророка Божия, написано въ 3 книгах, в главе 16 [цит. по: Журавель, 2012а, с. 351].

Диалогическая структура проповеди подчеркивается обращениями. Адресация усиливается этикетными формулами и перформативными конструкциями, содержащими призыв к действию.

Воньдем, любобрачителнии послушницы, возрадуемса о дарѣх терпѣния, вразумимса о реченных... омерзим нетерпѣливое малодушие, возлюбим же и приимем великодушное терпѣние, углубим в сердца наша пресладное Христово слово... [БАН. Собр. Дружинина. 340. Л. 29–29 об.].

Проповедник призывает присоединиться к своему голосу: «*Воскликнем в терпѣнии и воспроповѣдаем: «Иго Христово благо, и время его легко!»* [Там же. Л. 30]. Обилие риторических призывов, характерное для завершающей части проповеди, было нацелено на поднятие духа слушателей, не оставляя сомнений в избранном пути.

Проповедь Андрея Денисова – слово, рассчитанное в первую очередь на произнесение. Отсюда повышенное внимание к ритму. Ритмический рисунок достигался разного рода повторами, созвучиями, нередко встречаются и рифмы. Чаще это глагольные рифмы, подкрепляемые ассонансными:

Аще высокоустроеннии дом красновидно усмехается,
но основания крепостию весь утверждается,
так о церковь, аще многими светоблистаеть добродетельми,
но единою веры православныя красотою светлеется...

[Журавель, 2012а, с. 337].

Уже фема настраивала на гармонию ритма: «Сотове медовни, слова добра, сласть же их исцѣление души». Анафоры и параллельные синтаксические конструкции добавляли благозвучия.

Не вся словеса, яже глаголют человекци, добра суть,
не вся премудрости медом помазана,
не вся исцѣление души творящая... [Там же, с. 359].

В сочинениях Андрея Денисова встречаются и виршевые вкрапления, Виршами начинается поучительное «Слово надгробное брату Дамиану»:

В 7-й октоврия брат Домиан преставися,
в 8-й по зачати болѣзни от здѣшних упокоися.
Персть же персти отдаваше,
Въ землю землю спрятаваше.
Мало слово провѣщаваем,
до вашего боголюбия сие досылаем [Журавель, 2012а, с. 387].

В этом фрагменте автор поэтически преобразил метафоры из церковного чина отпевания [Требник. Л. 334]. В слово включен монолог юноши (прием драматизации основан на творческом преобразовании мотива диалога с умершим, известным из стихир на погребение Иоанна Дамаскина). Дамиан, мистически явившийся перед мысленным взором слушателей, «умиленными словесы же и вещми жалостнѣе гласа... вопия вопиеть» виршами:

Здрави будите, здравии, любезнии отци мои и братие,
И за мя, умиленнаго, воставше, помолитесь,
нѣдр ваших отеческих отлучаюся
и не вѣм, куда безпождателно восхищаюся.
Желаю вашу святыню лобызати
и ни до мала дают в своих побывати;
хошу слезнѣ святых ваших молитв и прощения
тяжкимъ моим грѣхом просити
и не попускаюся ни мала часа
на сем свѣте пожити... [Журавель, 2012а, с. 388].

В «Слове надгробном Димитрию и Алексию Нижегородцам»¹⁷, утешая скорбящих, автор сравнивает умерших с поселянами, которых царь призвал «из некоего поселянскаго мѣста», «да учинить я честны и славны, да устроить я прелѣпы своя полатники» [Журавель, 2012а, с. 393]. Так и Господь призвал нижегородских подвижников как избранных своих гостей. И так же, как радуются сподобившиеся царских почестей, так должны ликовать близкие ушедших.

Кто возропчетъ на виноградаря, егда созрѣлый виноградъ обирает,
Кто востужитъ на садоулаты, егда готовыя красныя яблоки збирает,
Кто возкорбитъ на господина нив, егда готовую пшеницу пожинаеть?
[Там же, с. 395].

¹⁷ Опубликовано: [Там же, с. 393–397].

Проповеди Андрея Денисова представляют собой образцы словесного искусства, основанные на барочных риторических стратегиях. Им присущ дидактизм как главная функциональная особенность. В первую очередь эти сочинения были призваны укреплять дух приверженцев учения и привлекать новых сторонников защитников старого обряда, поддерживая веру в создание «острова спасения» в океане антихриста. Они содержали программу религиозно-нравственного совершенствования, служили своеобразным литературным дополнением к уставу, принятому на Выге. Успеху грандиозного замысла построить идеальное «государство в государстве» в немалой степени способствовало умение донести основы учения через действенную проповедь. Искусство проповеди, которым в совершенстве владел Андрей Денисов, стало одним из условий расцвета выговского старообрядческого центра, который на протяжении почти полутора столетий сохранял и развивал отечественные духовные традиции в условиях постоянно меняющегося «кромешного» мира.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. 448 с.
- БАН. Собр. Дружинина. № 74, 122, 340.
- Гурьянова Н. С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 379 с.
- Гурьянова Н. С., Крамми Р. О.* Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) : сб. науч. тр. / под ред. Е. М. Юхименко. М. : Археогр. центр, 1994. Вып. 1. С. 120–138.
- Демкова Н. С.* Литературное наследие Выга // Рус. лит. 2003. № 2. С. 192–194.
- Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев : Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб. : Изд. Имп. археогр. комиссии, 1912. 534 с.
- Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. 405 с.
- Журавель О. Д.* К изучению поэтического стиля Андрея Денисова : «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 95–118.
- Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв. : темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012а. 442 с.
- Журавель О. Д.* Старообрядческие сочинения начала XVIII в. о человеке // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012б. С. 134–191.
- Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество : духовные движения семнадцатого века. М. : Церковь, 1970. 528 с.
- Зеньковский С. А.* Идеологический мир братьев Денисовых // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. М. : Ин-т ДИ ДИК : Квадрика, 2009. С. 594–606.
- Зубов В. П.* Русские проповедники : Очерки по истории русской проповеди. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- Иоанн Златоуст.* Слово о еже «Предста Царица» // Иоанн Златоуст. Маргарит. М. : Печатный двор, 1641. 843 л.
- ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собр. № 8.
- Киселева М.* «Ключ живота и смерти» : антропология русского барокко в православной проповеди XVII в. // Человек в культуре русского барокко : сб. ст. по мате-

риалам междунар. конф. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М. : ИФ РАН, 2007. С. 249–265.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. : Наука, 1977. 336 с.

Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII в. М. : Изд-во ИФ РАН, 1999. 189 с.

Лакманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб. : Академ. проект, 2001. 368 с.

Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. 204 с.

Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1976. Т. 31. С. 271–284.

Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М. : Наука, 1979. С. 13–38.

Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 206 с.

Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa* : Литература и язык. М. : Знак, 2003. 704 с.

Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1981. Т. 36. С. 154–162.

Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб. : Наука, 1994. С. 104–112.

РГБ. Собр. Егорова. № 958.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 896 с.

Требник. М. : Печатный двор, 1651. 688 л.

Черная Л. Особенности барокко как мироощущения в России XVII – начала XVIII столетия // Человек в культуре русского барокко : сб. ст. по материалам междунар. конф. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М. : ИФ РАН, 2007. С. 72–84.

Чумакова Т. Проблема человека в произведениях Феофана Прокоповича // Человек в культуре русского барокко : сб. ст. по материалам междунар. конф. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М. : ИФ РАН, 2007. С. 417–424.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2002. Т. 1. 544 с. Т. 2. 480 с.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития : в 2 т. М. : Языки славян. культур, 2008. Т. 1. 686 с. Т. 2. 568 с.

Crummey R. O. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison ; Milwaukee ; L. : Univ. of Wisconsin Press, 1970. XX, 258 p.

References

Averintsev, S. S. (1996). *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [The Rhetoric and Origins of the European Literary Tradition]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". 448 p.

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. *Sobranie Druzhinina*. No. 74, 122, 340.

Chernaya, L. (2007). *Osobennosti barokko kak mirooshchushcheniya v Rossii XVII – nachala XVIII stoletiya* [Features of the Baroque as a Worldview in Russia in the 17th – Early 18th Centuries]. In *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii. Institut filosofii RAN. Moskva, Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim". 28–30 sentyabrya 2006 g.* Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 72–84.

Chumakova, T. (2007). *Problema cheloveka v proizvedeniyakh Feofana Prokopovicha* [The Problem of a Human Being in the Works of Feofan Prokopovich]. In *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii*.

Institut filosofii RAN. Moskva, Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim". 28–30 sentyabrya 2006 g. Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 417–424.

Crummey, R. O. (1970). *The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855.* Madison, Milwaukee, L., Univ. of Wisconsin Press. XX, 258 p.

Demkova, N. S. (2003). Literaturnoe nasledie Vyga [The Literary Heritage of Vyg]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 192–194.

Druzhinina, V. G. (1912). *Pisaniya russkikh staroobryadtsev. Perechen' spiskov, sostavlennyi po pechatnym opisaniyam rukopisei* [Writings of Russian Old Believers. An Inventory of Handwritten Lists Compiled from Printed Descriptions of Manuscripts]. St Petersburg, Izdanie Imperatorskoi arkheograficheskoi komissii. 534 p.

Gur'yanova, N. S. (2007). *Staroobryadtsy i tvorcheskoe nasledie Kievskoi mitropolii* [Old Believers and the Artistic Heritage of the Kyiv Metropolis]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 379 P.

Gur'yanova, N. S., Crammey, R. O. (1994). Istoricheskaya skhema v sochineniyakh pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly [The Historical Scheme in the Writings of the Writers of the Vyg Literary School]. In Yukhimenko, E. M. (Ed.). *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.). Sbornik nauchnykh trudov.* Moscow, Arkheograficheskii tsentr. Iss. 1, pp. 120–138.

IRLI [Institute of Russian Literature]. Drevlekhranilishche. Pinezhskoe sobranie. No. 8.

John Chrysostom. (1641). Slovo o ezhe "Predsta Tsaritsa" [The Word about *The Royal Deesis*]. In John Chrysostom. *Margarit*. Moscow, Pechatnyi dvor. 843 p.

Kiseleva, M. (2007). "Klyuch zhivota i smerti": antropologiya russkogo barokko v pravoslavnoi propovedi XVII v. [*The Key to Life and Death: The Anthropology of the Russian Baroque in the Orthodox Sermon of the 17th Century*]. In *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii. Institut filosofii RAN. Moskva, Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim". 28–30 sentyabrya 2006 g.* Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 249–265.

Klibanov, A. I. (1977). *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma* [People's Social Utopia in Russia. Period of Feudalism]. Moscow, Nauka. 336 p.

Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovedi XVII v.* [The Image of a Human Being in the Sermon of the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta filosofii RAN. 189 p.

Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya. Ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling Eloquence. The Rhetorical Tradition and the Concept of the Poetic]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 368 p.

Markasova, E. V. (2002). *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII – nachala XVIII veka* [Ideas about Figures of Speech in the Russian Rhetoric of the 17th – Early 18th Centuries]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 204 p.

Matkhauzerova, S. (1976). Dve teorii teksta v russkoi literature XVII v. [Two Theories of Text in the Russian Literature of the 17th Century] In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 31, pp. 271–284.

Morozov, A. A., Sofronova, L. A. (1979). Emblematika i ee mesto v iskusstve barokko [Emblematics and Its Place in Baroque Art]. In *Slavyanskoe barokko*. Moscow, Nauka, pp. 13–38.

Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms]. Leningrad, Nauka. 206 p.

Picchio, R. (2003). *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and Language]. Moscow, Znak. 704 p.

Pokrovskii, N. N. (Ed.). (2011). *Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [The Spiritual Literature of the Old Believers of the East of Russia in the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 405 p.

Ponyrko, N. V. (1981). Uchebniki ritoriki na Vygu [Rhetoric Textbooks on Vyg]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 36, pp. 154–162.

Ponyrko, N. V. (1994). Esteticheskie pozitsii pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly [Aesthetic Positions of the Writers of the Vyg Literary School]. In *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi. XVII v.* St Petersburg, Nauka, pp. 104–112.

RGB [Russian State Library]. Sobranie Egorova. No. 958.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early New Age]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 896 p.

Trebnik [Prayer Book]. (1651). Moscow, Pechatnyi dvor. 688 p.

Yukhimenko, E. M. (2002). *Vygovskaya starobryadcheskaya pustyn'. Dukhovnaya zhizn' i literatura v 2 t.* [Old Believer Hermitage of Vyg. Spiritual Life and Literature. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1. 544 p. Vol. 2. 480 p.

Yukhimenko, E. M. (2008). *Literaturnoe nasledie Vygovskogo starobryadcheskogo obshchegitel'stva v 2 t.* [Literary Heritage of the Old Believer Community of Vyg. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. 686 p. Vol. 2. 568 p.

Zen'kovskii, S. A. (1970). *Russkoe starobryadchestvo: dukhovnye dvizheniya semnadtsatogo veka* [Russian Old Believers: Spiritual Movements of the 17th Century]. Moscow, Tserkov', 528 p.

Zen'kovskii, S. A. (2009). Ideologicheskii mir brat'ev Denisovykh [The Ideological World of the Denisov Brothers]. In Zen'kovskii, S. A. *Russkoe starobryadchestvo v 2 t.* Moscow, Institut DI DIK, Kvadraka, pp. 594–606.

Zhuravel', O. D. (2010). K izucheniyu poeticheskogo stilya Andreya Denisova. "Poslanie s Moskvy vo obshchebratstvo" o vstreche v Moskve persidskogo slona [On the Study of the Poetic Style of Andrei Denisov: "Message from Moscow to the Common Brotherhood" about the Meeting of the Persian Elephant in Moscow]. In Romodanovskaya, E. K. (Ed.). *Traditsii otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV–XXI vv.* Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 95–118.

Zhuravel', O. D. (2012a). *Literaturnoe tvorchestvo starobryadtsev XVIII – nachala XXI vv.: temy, problemy, poetika* [Literary Works of the Old Believers of the 18th – Early 21st Centuries: Themes, Problems, Poetics]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 442 p.

Zhuravel', O. D. (2012b). Starobryadcheskie sochineniya nachala XVIII v. o cheloveke [Old Believer Writings of the Early 18th Century about a Human Being]. In *Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 134–191.

Zubov, V. P. (2001). *Russkie propovedniki. Ocherki po istorii russkoi propovedi* [Russian Preachers: Essays on the History of Russian Preaching]. Moscow, Editorial URSS. 232 p.

The article was submitted on 06.07.2022